

Олег РУБАНСКИЙ

Узы

СТИХИ

Киев 2024

УЗЫ

Дорога

«Нет мудрее и прекрасней...»

Пролегла по белу свету дальняя дорога;
ни начала, ни конца ей, сколько ни гляди.
А у самого у края яшень рос убого.
Знать, судьба его такая – Бог не приведи.

Мир летел, спешил куда-то в будущность из были,
время призрачное мчалось на лихой арбе.
А у самого у края, поседев от пыли,
так и жил один тот яшень, трудно, по судьбе.

Разве в зной иль в час негожий
даст кому приют;
тяжесть снимет с плеч прохожий,
птички запоют.

Я и сам, кто в путь пускался,
уставал зело,
мимоходом прибивался
под его крыло...

Годы шли, гремели грозы, ветры проносились...
Он ещё стоял всё так же на своём краю;
только старый ствол изранен, ветви оголились,
и клонил уже седую голову свою.

Так, устав от жизни брэнной, ждуд её развязки,
грусть чиста, душа смиренна, в ней покой настал.
Это только мы такие – выдумали сказки,
будто счастье куётся. Что оно – металл?

А какое нынче время! Скорости крутые!
Перестроена дорога – и в длину, и вширь.
Мчатся бешено машины в дали золотые.
Впереди – виденье рая, по краям – пустырь.

Что-то ветры стали суше и дожди скуднее.
(И без жертв не обойдутся новые дела).
Дорога ли жизнь? Дорога властвует над нею.
Ни прекрасней, ни мудрее... Копоть да зола.

1988

* * *

Любви повсюду чудились приметы.
Как не поверить сердцу своему?
Но только сердце юного поэта
себя не доверяло никому.

Чудак! Он так хотел любви вечной!
В реальности от жизни отставал;
с наивностью своею человеческой
он этот мир жестоким признавал.

О, дай мне, Бог, хоть в долг, судьбу иную!
Пусть жизнь мне будет – вера и страда.
Когда ж любви хоть каплю заслужу я, –
отдам её покинувшим стада.

Ах, да... Признаться, – по душе мотивы,
когда бы оставался он – поэт,
хоть изредка, хоть чувствами. Но – нет.
(И я болел стихами с детских лет,
забытыми донныне справедливо).

Вот юность минула и зрелость подлетела.
От замыслов – ни дыма, ничего.
И наша дружба также отгорела,
когда о ней судил он делово.

Он отдалился. А меня – задело.
Хотя я чем достойнее его?..
И то, что сочиняю не для дела
да всё переживаю: для чего?..

1985

* * *

Хорошо бы-хорошо
не печалиться, дружок,
не печалиться, дружок, понапрасну.
Ведь чего не суждено,
не дожидаться всё равно.
Хорошо бы-хорошо жить прекрасно.

Погляди: по улице
люди мчатся, бедные.
Перестроечно. Морозно. Угодно.
Ты – такой же. Хмурится
отраженье бледное
в зеркале. Эх, хорошо б жить свободно.

Разбежалась, пронеслась,
замечталась, обожглась
вешняя твоя пора, запропала.
И душа не вознеслась,
и одёжка не пришлась.
Хорошо бы-хорошо – всё сначала.

Но чего не суждено...
Я сижу, гляжу в окно.
Мысли спутаны, а муза спесива,
на меня – как на кино.
Что ж, прощай навеки. Но –
хорошо бы-хорошо жить счастливо!

1988

* * *

Не сбылось. Навалилась беда.
И жестоки вопросы с ответами.
Скован узами и обетами
безнадежно и навсегда.

Вечер тянется. Годы летят.
Вот уж ясно – что завтра не сбудется.
Так тоскливо, уныло и буднично
за окошком трамваи звенят.

Нынче в доме не та тишина.
Всё пропитано нервным отчаяньем.
В дальней комнате, будто нечаянно,
простонала в постели жена.

Так всю ночь: то фонарь за окном,
ослепляющий очи бессонные,
то во сне вдруг заплачет ребёнок...
Твой ребёнок в доме чужом.

Повод и причина

Чёрным грачом на исходе недели
ты появляешься в доме своём.
Ночь до утра в неудобной постели
снова мы терпим с тобою вдвоём.

С каждым рассветом всё горше утраты,
всё неприглядней за окнами свет.
Вот и опять упрекаешь меня ты
в том, что случилось, и в том, чего нет.

В том, что я выгляжу белой вороной,
в том, что отстал от фортуны хвалёной,
зря истощал, не угнавшись за ней,
денег не нажил, утратил друзей...

Ты говоришь: «Неудачник несчастный!
Честный, а толку – с козла молока!»
(То ли вообще не везёт мне ужасно.
Или не ладится что-то пока).

Мы не устроены жить как живётся;
каждый измучился в доле своей.
Ты упрекаешь меня в чём придётся –
в бедности, в чести, в потере друзей...

Повода ради – ну что не взболтнётся!
Повода ради причина найдётся –
вновь ощутить, как нам быть нипочём
белой вороной и чёрным грачом.

Узы

*«Знаю, кто опутан узами,
тот – потерянный человек,
ибо нечто инородное
пустило корни в его душе»
Джозеф Конрад*

Я хотел бы любить –
так, как верящий в идеалы.
Будто палец в висок –
откровенность без тени вранья.
Я хотел бы любить,
если б этого не было мало
или если бы мог
обмануться и я был – не я.

Я хотел бы любить,
разрушая канонов границы;
я хотел бы любить,
познавая прекрасную новь.
Я б желал её пить
жарким ртом из бездонной криницы
и желал бы объять
необъятую эту любовь.

Я хотел бы любить,
но без вечных бесплодных терзаний,
чтоб несбыточных грёз
мне в бредовом уме не таить.
Я хотел бы любить,
не страшась роковых испытаний,
не скитаясь, как пёс,
оттого, что не смог угодить.

Я хотел бы любить,
чтобы голову чувство теряло...
Не могу сгоряча.
Не сумею себе изменить.
Вот колчан опустел,
и уходит Амур с пьедестала,
жалко крылья влача
и бесстыдство стараясь прикрыть.

Да, я мог бы любить –
так, чтоб пели счастливые музы,
чтоб высокий мотив
подбирать к благородным словам.
Как дышать мне и жить? –
всё святое опутали узы.
И разрушен мой Храм.
Лишь осталась химера – я сам.

Да, я мог бы любить...
Что ж глядишь на меня ты с усмешкой?
Не поймёшь всё равно,
ведь понять – не колени раскрыть.
В твоих мыслях одно:
кем я буду – орлом или решкой?
Ну а мне не дано
ни того, ни другого. Как быть?..

1989

* * *

Мне страшно здесь, и пусто, и темно.
Пора в дорогу. В этом лишь спасенье.
Пусть из души повыветрится зло,
забудутся обиды, пораженья
и всё, что я возвёл на пустяках...
Пора, пора – в дорогу, от мытарства,
пока надежда есть и разум не зачах,
испробовать последнее лекарство...

* * *

Ты им песни свои не пой,
ведь они никого не слушают.
Хоть и рвётся наружу строка,
затаи её в бедной груди.
Они станут острить вразнобой...
Но не то, что покажешься скушан, –
ты не трогай их чёрствые души.
Просто вовремя уходи.

Эти чувственные лады,
струны плачут от боли и ласки,
и утешат они, и поймут
на жестоких ухабах судьбы.
Да воздастся тебе за труды
за последней верстой этой тряски,
где на каждую светлую сказку
злые тени наводят жлобы.

Может, выживешь, может – нет,
но станься собой, поэт.
И тогда будет честен круг,
и тогда будет предан друг.
Вот тогда мы споём, споём
и друг друга поймём, поймём.

Утреннее

Боже мой, как мало
у меня друзей!

Да, не прилипала
я, не ротозей.

* * *

Я не хотел его обидеть,
и предан был не им одним.
И он был вынужден увидеть,
как мне неловко перед ним.

* * *

Дурак надеждами питался.
А поумнев, за дело взялся.

* * *

Откуда это?
Будущее неясно и зыбко.
Прошлое одухотворено и очеловечено.
Прошлое, ты моё бесценное сокровище.
Уважаю тебя, с моими обретениями, ошибками, горестями
и счастьем говорить об этом в сей час...

Чотири літа

Ти хитроці маєш.
А я знову зп'яну.
Ти в мене питаєш,
від чого я в'яну?
Ти дивишся в очі
мені сумовито.
А я все торочу
про якісь літа.

Якщо перше літо
принесе кохання,
то на друге літо
чатують страждання.
А на третє літо
випаде дорога.
А вже на четверте –
не люби нікого.

Якщо перша осінь
дасть натхнення сили,
то вже друга осінь
серце зажурила.
А на третю осінь –
хмари звідусюди.
А вже на четверту –
лихо тобі буде.

Перша зима, зима –
світлі сподівання.
Друга зима, зима –
марнії старання.
А на третю зиму –
тікати, тікати.
А вже на четверту –
нікуди пристати.

Перша весна, весна
обіцять чудесна.
Друга весна, весна
зраджує безчесно.
А на третю весну
тільки й те, що муки.
А що на четверту? –
розпачі й розлуки.

Що далі робити,
чого ще чекати?
Чи я буду жити?
Чи зможу кохати?
Чи вже мені доля
лишилась єдина:
самотня людина,
самотня людина.

* * *

Де синя річка, тиха та глибока,
роки спливають снами чарівними,
ніч зореока віщує до серця,
натхнення вічність обіймає душу...

Де вечори гаям дарують спокій,
де вранішні прозорі прохолоди
і де навколо світ такий широкий,
що неможливо погляд відірвати...

Земля і небо – згода і кохання,
життя єдине і єдина доля, –
там спочивають мої сподівання,
коли душа у розпачі безмежнім...

Там над рікою дім стоїть щасливий –
від зрадливого світу порятунок.
В тім домі я б знайшов собі притулок
і не шукав би марно щастя в світі...

Невже нема кінця
стражданням та шляхам,
якими доля йде
аж доки стане сили

до згибелі?
Чого мені шукать,
чекати в цім житті?
Хіба ж я вже не там,
не там, де мої мрії,
і тиша, і любов,
і вся моя душа?..
А тут мене нема.
Одна лиш тінь самотня,
навіжена, німа.
Хіба ж це, справді, я?
О, ні, не вірю, ні –
так довго я б не зміг
у цім житті лишатись!

І хто ж то, як не тінь,
чекає в кожду мить
прекрасну жінку ту,
що я колись придумав
в блакитних снах своїх?
Чекає, бо не зна,
що з нею я живу
в країні забуття
у домі над рікою.
Що там щасливий я,
і те – її любов,
і що вона – моя,
кохана та єдина
у вічнім тім краю...

А тут – моя лиш тінь,
що вірує – знайде!
Та мріє дочекатись...

* * *

Суматоха, будничность, отчаянье...
Так уходят годы в никуда.
Я и не заметил, как нечаянно
полюбил чужие города.

Ну а тот, родной, в глуши затерянный,
ждёт меня, не зная ничего.
Там верба с черёмухой у берега,
все приметы детства моего.

Там дожди грибные землю радуют,
там садов вечерний аромат,
тихими ночами звёзды падают
в травы слушать пение цикад,

и сиянием вечности увенчана,
в речке отражается луна...
Так ты в моей памяти отмечена,
родина, родная сторона.

Где старушки, поутру спешащие
за рублём сердешным на базар,
бедные, простые, работающие,
им и рупь за труд как Божий дар.

Девки, молодые, беспородные.
Да порода – это ерунда.
Там такие данные природные,
что куда нам браться, господа!

...Помню, как ушёл оттуда ранним я.
Каюсь – не жалею ни о чём.
Родину – и счастье, и страдания –
я несу в котомке за плечом.

Знаете, как трудно это высказать,
переживши беды, бесприют?..
Умные, мы часто смотрим искоса,
если нам любовь преподают.

В городах чужих нас кружит бешено
карусель чудная дней-деньских.
Что же на крови-то в нас замешено?
От соблазнов, от потреб каких?

Суматоха, будничность, отчаянье...
И порой спасения не чаю я.
Вот приметы нынешнего дня.

Но посмотришь в небо – отражается
вечность в нём, и детство не кончается
и глядит, как мама, на меня...

1989

* * *

...А ещё бывали дни жестоки:
некуда и не к чему стремиться,
и друзья становятся далёки,
и душа не в силах возродиться;

женщина твоя – твоя потеря,
а другие – все они чужие.
И живёшь ты, ни во что не веря,
в эти дни жестокие и злые.

Ну а дни перерастают в годы...
Что ни год – то меньше остаётся...
Бесприютным призраком свободы
в сердце одиночество скребётся.

И надежды нет на перемены.
Сам в себе не в силах разобратся.
И тесны в дому и давят стены,
от которых некуда податься.

Донимают рабские заботы.
Из души отчаянье сочится.
Жизнь проходит мимо, стороною...

Нет, всё это было не со мною.

* * *

И. В.

Ты помнишь, какими мы были? –
близкими, сложными, дивными,
как жили волшебными звуками,
мечтали, слагали стихи...
А как мы беспечно любили!
Какими мы были наивными!
И как искупали разлуками
бездумности юной грехи.

Ты помнишь, какими мы были?
Мне нынче так больно и тягостно.
И гложет тоска безысходная,
и плачет гитара о нас.
Но годы над нами кружили...
И мы уже столько прожили,
что вспомнить, какими мы были,
почти невозможно сейчас...

Ты видишь, какие мы стали? –
взрослые, трудные, разные...
Теперь уже даже не верится –
неужто мы были близки?

И что нам в наследство досталось
от сада любви? Что осталось
от чувства, что вечным казалось?
Тоска. Искушение. Пески...

Из воспоминаний о юности

*Это далеко-далеко
в прошлом – между нами черта.
Где-то высоко-высоко
исчезает наша мечта.
Из авторской песни*

Мы с тобой мечтаем вместе.
Как прекрасны наши песни!
Мы одни, и ночь ещё длинна.
Ты меня, конечно, любишь
и уже не позабудешь,
и такая близкая, одна.

За окном вздыхают клёны.
Мы ещё не умудрённы.
Как наивен я и как раним!
Мне б любовь хранить от муки,
мне б не знать с тобой разлуки.
Что же это мы творим!

Дальние края, тревоги.
Ранняя печаль дороги...
Удержи меня, не отпусти!
Столько лет прошло. Но снова
ты приходишь из бывшего:
«Ты меня...» –
«И ты меня прости...»

Песенка – посвящение студентам

Мы сидели в общежитии, пели, говорили...
Жизнь текла в своём развитии, допивался чай.
Если где-то вас обидели или позабыли,
не отчаивайтесь, братцы! Прошное, прощай!

Синий вечер ожидания новых расстояний...
Но как чудно, по-домашнему выглядит уют.
Хватит нам ещё на каждого встреч и расставаний.
Ах, уймите эти струны! Что они поют?

Но звучат они, волшебные, и дрожат от страсти.
Мы свою удачу бедную, может быть, спасём.
Лейся ж, музыка целебная, сердце, веруй в счастье!
Только раз живём на свете, так вот и живём.

Мы сидели в общежитии допоздна без дела.
Жизнь текла в своём развитии, допивался чай.
Оглянулись и увидели: время пролетело!
Так вот всё и происходит, будто невзначай.

Бабье лето

Я привык всё таить в себе,
одиночество мне не странно.
Но... если странным кажусь тебе,
не суди обо мне пространно.

Всё так явно: то боль, то страх,
плоть взволнована, вихрь видений,
то слова ворошу в стихах,
то теряюсь в кругу сомнений,

то казённые всё дома,
серый цвет коридорных буден,
неприкаянность, кутерьма,
неуют да чужие люди.

То метель над землёй метёт,
то от зноя желтеют травы...
Вот и первый свой знак подаёт
эта осень, горчей отравы.

Она дышит своим холодком,
не глядит, что душа смятенна.
Сердце теплится угольком,
угасающим постепенно...

Только ты одна погоди!
Пусть всё прочее канет где-то.
Полюби меня, полюби,
даже если и странно это.

Бабье лето... А может, весна,
если вдруг оживёт надежда.
Ты, наверное, так нежна!
Так в глаза мои смотришь нежно!

Не пройди стороной, пригуби
то, что дарит нам бабье лето.
Даже если и странно это,
полюби меня, полюби.

* * *

Слагающий гимны любви
души не спасёт от печали.
Реальность ясней, чем виденья.
И значит, прозрению быть.
Октябрь. Косые дожди
по стёклам струятся ручьями,
наивными, как уверенья,
которым недолго жить.

Соблазны ты зря не буди,
не надо пустых обещаний.
Та слабость (теперь уж я трушу)
не станет мне тяжким венцом.
Пусть лучше косые дожди
по стёклам струятся ручьями.
Но жаль, что открыл тебе душу.
Я больше не буду глупцом.

Песенка сентиментального бродяги

Обо мне не тревожься напрасно,
не томи, никуда не зови.
Ты со мной вечно будешь несчастна.
Не хочу я несчастной любви!

Ах, любовь! Что за странное чувство!
Я тебя приласкал – ну и что ж!
Свято место не может быть пусто,
а любовь ты другую найдёшь.

Вот ты снова вздыхаешь и плачешь,
а я бомжем усталым гляжу.
У тебя ещё будут удачи,
не печалься, что я ухожу.

Не жалей, береги идеалы
и не думай о том, что грешна.
Нынче ты ничего не теряла,
всё равно будешь чья-то жена.

Обо мне не тревожься напрасно.
Посмотри – я не твой идеал.
Ты со мной вечно будешь несчастна.
Я ведь просто тебя приласкал...

* * *

Без прошлого и без потерь
мы не останемся, права ты.
И вот – незапертая дверь.
А там – в свечах – твои пенаты...

И там такая тишина...
И ты лежишь. Грешна, грешна...
Я всё ещё могу войти
и в тишине тебя найти.

Я всё ещё хочу понять –
какую милость обретаем?
Уже и Рай необитаем,
и порознь движемся опять.

В тебе всё теплится весна.
Мне моя молодость страшна.
Но снова грань переступаем.
Свеча. Тревога. Тишина...

Песня о двух фантазиях

Две эти странные, непостижимо случайные
наши фантазии, жаркие, грешные, тайные...
Им не искать уже смысл мироздания.
Что им теперь суета и страдания,
смех и стон? –
сон.

Это не облака тень растворяется
в вышине –
это фантазии наши теряются
в тишине.
Может быть, там они вместе останутся
и никогда, никогда не расстанутся –
в вышине,
в тишине.

Ах, это чудо – блаженство слияния
двух надежд!
Ах, это чудо – свобода без граней и
без одежд!
Ах, это чудо – дорога небесная!
Ах, эта музыка – слышишь? – чудесная,
ясная,
страстная!

.....
Дымку волос твоих утром, прощаясь, потрогаю.
Не провожай меня грустной, усталой и строюю.
Наши фантазии недостижимые.
А мы гонимые.
А мы ранимые.
Странные...

Мне хорошо

Мне хорошо. Мне надо в это верить,
пусть обманутся, забывая суть.
Были бы стены и двери,
можно прожить как-нибудь.

Пусть у меня убогое жилище.
Я ведь не балован. Отчего ж роптать?
Надо быть выше и чище,
чтобы на быт не взирать...

Мне хорошо, и мой рассудок волен,
мне надо верить, что я не обречён.
Нет, не собой я доволен,
нет – я судьбой восхищён!

Мне хорошо, что я ещё не спятил,
что никого я не учу, как жить.
Мне бы на собственном платье
рваные дыры зашить.

Мне хорошо наедине с мечтою.
(Только бы мне никто не помешал!)
Вновь проплывёт предо мною
призрачный мой идеал.

Мне хорошо...
«Ну подожди немножко.
Я же до главного так и не дошёл!
Что?
Остывает картошка?
Надо садиться за стол?»

Жаль...
Остывает картошка...

Картошка?.. Ах, да – я же сам просил.
«Ну почему не хочу? Хочу, конечно.
Как я себя чувствую? – хорошо».
А мне действительно хорошо?
Да. Мне – хорошо...

1991

Я – странник

Я – странник, да, – я точно знаю это.
Хотя на мне фартовый пиджачок.
Но мой картуз и старые штиблеты
ещё хранит семейный сундучок.

Я – странник, да, – мне не нужны вериги,
меня никто не сможет изменить.
Есть люди, будто правильные книги.
Но мне, конечно, правильным не быть.

Я – странник, да, – ну что могу я сделать?
Принадлежит моя природа – мне.
Я – странник, да, – коль всё мне надоело –
и фонари, и тени на стене!

...И я уйду, смеясь над городами,
где мы живём – исчадья суеты!
Я – странник, я – пылинка в океане
неведомой космической мечты...

* * *

Ирония судьбы – невинная причуда
тайнственных начал, дающих форме суть,
меж тем как мы живём и в ожиданье чуда
пытаемся себя хоть в чём-то обмануть...

И ждёт нас впереди, в созвездии пророчеств,
забвеньи и печаль. И это – не предел.
О, как я одинок! Как мой мирок непрочен!
Ещё вчера была здесь женщина. Я пел

и сердце предавал губительному жару,
пока родник души не заглушила страсть.
И прежде, чем прозрел, я, сам не свой, гитару
разбил, и был готов – чтоб самому пропасть.

А на меня уже была рубашка сшита –
в широких рукавах блистать перед толпой.
И так она меня любила деловито,
что я полгода спал, и снился мне запой.

Ах, есть во всём резон: в любви, в вине и в хлебе!
Но сразу как открыть мудрёный тот «сим-сим»?
Судья – один – Господь – в души бездонном небе.
Сам грешных не сужу. Да был бы не судим!

А впрочем, виноват; а всё ж, пред ней в долгу я.
Не много обещал, да и того не смог.
Принцесса, ты прости за вольность, за чужую.
Ты веришь в идеал... А я так одинок.

Песенка про Сеньку

У меня есть Сенька друг, Сенька друг, Сенька друг –
от него жена ушла подло.

Он решил – ему каюк.

А я зову его на юг:

Поедем, Сень, на юге баб – кодрло!

Там, на юге, будем мы, будем мы, будем мы
пить у моря синего пиво –

потому что люди мы, люди мы, люди мы
и имеем право мы жить красиво!

Здесь тоска и бесприют, льют дожди, холодно.

А на юге – солнышко золотое.

На песочек ляжем мы, сытые, голые,
поглядим на небушко голубое!

Не отчаивайся, брат, зря страдать надо ли?

Эх, гульнём на юге мы хорошенько!

Чтобы звёзды в руки нам падали, падали –
стоит только захотеть, Сенька!

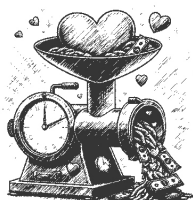
И тогда мне Сенька друг, Сенька друг, Сенька друг –
он в сердцах ответил мне дерзко.

А я ведь что? – Да я как друг

сказал: Поехали на юг!

Хотя и там, конечно, всё – мерзко.

1991

Сладкая ода

Моя любимая кровать,
к тебе моё стремленье,
когда уж ничего нельзя
и в общем – наплевать.
Когда не тянет ни к чему
и бодрствовать – мученье,
подушку крепко обниму
и буду сладко спать.

Неприличное дело

в коллекцию литературных шутников

В летний полдень Лев Толстой
по дороге шёл пустой;
бормотал – что думал:
Повесть напишу, мол.

От душевной простоты
завернул он за кусты
по нужде по скромной,
в стороне укромной.

Вот в кустах он побывал.
Ну, и дальше зашагал.
Дело-то обычное.
Но всё же неприличное.

Так некстати, так некстати!
А ещё – большой писатель!

Песенка про невезение Ипполита

Друзьям из кременчугского клуба туристов

Наш приятель Ипполит
в жизни – юморист.
А ещё он знаменит
как в душе турист.
Собирается в поход
он четыре раза в год.
Но ему всегда ужасно
не везёт.

Ждал он лета, чтоб на плечи
нацепить рюкзак
и отправиться далече,
а не просто так.
Ах, романтика дорог,
вольность и простор!
Но лишь выйдя за порог,
он мозоль натёр.

Огорчился Ипполит
и сказал: «Увы!
У меня мозоль болит –
с ног до головы.
Так что вы, ребята, сами
встретите восход.
Но в байдарочный – я с вами
выберусь в поход!»

Месяц август подошёл,
будто дар небес.
Мы с байдарками – на Псёл –
испытать чудес.

Вот уже душа горит,
и река зовёт!
«Где ж, ребята, Ипполит?
Что ж он не идёт?»

Мы тогда – домой к нему:
«Что опять с тобой?»
Друг наш стонет: «Не пойму,
всё так плохо, ой!
Не придётся мне, ребята,
пить речной туман.
Лучше я весной – в Карпаты –
на катамаран!»

А когда весна сменила
льды и холода,
нас в дорогу поманила
горная вода.
Но не поехал с нами вместе
бедный Ипполит –
то ли прыщ на заднем месте,
то ль... *(тут можно называть любой диагноз)*

Трудно жить на этом свете,
если не фартит.
Ах, как шёл бы по планете
друг наш Ипполит!
Он бы в гору, он бы в реку,
всё вперёд, вперёд!..

Отчего ж так человеку
вечно не везёт?
Ну почему так человеку
в жизни не везёт?

Песенка об отчаявшемся человеке

В суете сует всё случается.
Человек живёт – огорчается:
нет настроения,
нет вдохновения,
забот немыслимый круговорот,
жена ругается,
земля шатается,
всё к чёрту катится.
А он – живёт.
(Здесь – импровизация ругающейся жены)

Суета сует – чушь безликая.
Ох, как тяжело жить, горе мыкая!
И человек совсем опечалился,
и видно, был уже не в себе,
когда нечаянно,
но так отчаянно
решил повеситься назло судьбе.

Вот он стоит на столе.
Вот его шея в петле.
Всё. Жизнь его решена...

В комнату входит жена!
(Она снова ругается...)

.....
Это, право же, невезение.
Но из правила – исключение.
И если кто уже решил преставиться,
пусть не теряется –
всё будет класс!
Никто, как правило, не появляется
в такой торжественный и светлый час!

* * *

Я не ангел, моя дорогая,
но фортуна к тебе не глуха, –
я её как могу ублажаю,
отпуская тебя от греха.

O, l'amour! O, toujours! Сколько стонов!
Будь я в небе журавль, пёс ли я –
но душа, но душа – вне канонов
и никто ей, никто не судья.

Где весна, страсть, цветы? Время мчится.
Разлетелись амуры ночей.
А теперь до утра по стеклу дождь осенний струится,
будто слёзы из глаз фонарей.

Для мечты, для мечты нет границы!
Для любви, для любви нет цепей!
Улетай, улетай, потому что мы вольные птицы,
ни о чём, ни о чём не жалеи.

* * *

Вы, наверное, очень устали
в этих днях суете неразумной.
Находили Вы и теряли,
и порою бывали безумной.

Отдохните, вдохните свободу,
позабудьте все огорчения.
Я, прочувствовав Вашу природу,
предлагаю продлить ощущения.

Я могу Вам позволить шалости,
не давать и не ждать обещания,
мне достаточно самой малости
неосознанного желания.

Ну, а дальше пусть – как получится
нам пройти полуночный путь...
Как нежны Вы, моя попутчица,
Ваша шея, и плечи, и грудь...

Ничего, что мы с Вами разные.
Я Вас, милая, не сужу.
Правда, Вы никому не расскажете?
Да и я никому не скажу.

**«Ужин при свечах» или/або «Вечеря при свічках»
История одного выступления на капустнике почтенных
авторов Александра Шаргородского, Дмитрия Боня (Дэ Боня)
и Олега Рубанского перед не менее почтенной публикой**

На сцене ведущий программы А. Шаргородский:

Если что-то пропоётся, сочинится у меня –
только хиты, только хиты, только хиты!
Да, вы правы, вы узнали: перед вами – Дэ Боня,
знаменитый, знаменитый, знаменитый!

*Выходит с чужой металлической гитарой, слегка навеселе,
Дэ Боня и весьма свингуя, исполняет свой русский текст:*

Я бы свечи сегодня зажёл,
чтобы стало яснее и выше
то, что каждый сегодня услышит,
как услышит он собственный вздох.
Чтобы всё, что мы сможем услышать,
чтобы всё, что мы сможем увидеть,
каждый чувствовал глубже и выше,
не кричал и не хлопал в ладоши,

каждый думал, что он – совершенство,
удивительный, умный, хороший!

*На сцену, для всіх раптово,
вривається з іншою,
знайденою за кулісами, гітарою
Олег Рубанський, майже як скло,
і танцюючи під власний спів босанову,
перекладає для тих, хто не розуміє язык:*

Я б сьогодні свічки запалив,
щоби вище було та ясніше
те, що кожен сьогодні почує,
як він чує зітхання своє.
Щоб усе, що ми зможем почути,
щоб усе, що ми бачити зможем,
відчувалося кожним глибоко,
хто забуде про суєтні гроші,
нехай кожен вважає – він геній,
дивовижний, розумний, хороший!

*Дэ Боня потрясён, и неожиданно посерьёзнул.
Затем берёт себя в руки хозяина первоисточника
и таки поёт дальше:*

Я бы свечи сегодня зажёл,
чтобы стало яснее и выше
то, что каждый, конечно, услышит
при желании (если б он смог!..)
Чтобы, даже сгорая случайно
на свечи этой пламени тихом,
ни один не орал эпохально,
грандиозно не топал ногами,
каждый думал, что он – исключенье
и один обладает мозгами!

*Автор русского текста убегает за кулисы
для дружеских рукопожатий с Шаргородским.
Український співавтор, вважаючи, що його слово – останнє,
залишається на сцені та голосно фінішує на модуляції:*

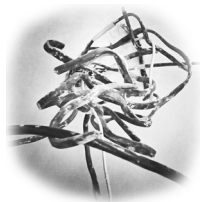
Я б сьогодні свічки запалив,
щоби вище було та ясніше
те, що кожен, звичайно, почує
при бажанні і вмінні почуть.
А із тих, що згорять випадково
в цьому тихому полум'ї свічки,
хай ніхто не вола епохально,
грандіозно не тупа ногами,
кожен дума, що він – вийнятковість,
пуп землі, а не дурень з рогами!

*Из-за кулис перед не слишком дружними аплодисментами
под лирные вздохи струн Дэ Бони
успевает достичь цели умный Шаргородский,
копируя приглушённый баритон с речетативом Горация:*

«Тот, кто золотой середине верен,
мудро избежит и убогой кровли,
и того, в других что питает зависть, –
дивных чертогов...»*

**Из второй книги «Од» древнеримского поэта Горация*

1989

Два посвящения Александру Шаргородскому*

1.

*«...Пусть витийствую – но не лукаво.
Восторгаюсь – так неспроста.
У поэта особое право
и особая правота»*

А. Шаргородский. Из «Комментария к мадригалу»

Позабыты химеры и былые прозренья.
Вот и радуйся, Саша, – благо, жизнь не пуста.
Ты уже пригубил от любви и лишенья
и вот-вот к Мадригалу приведёт Правота.

То июньским дождём, так светло пролетающим мимо,
то морзянкой сомнений, то облака тенью – стихи.
То какая-то женщина ходит, тобою любима...
Но Чернобыль зовёт и опять отпускает грехи.

Где-то старцы брюзжат и от праздности нюхают розы.
Ты ж, как юный гусар, терпишь холод и неуют.
...Нелюбимые женщины – ах, эти вечные позы!
И, конечно, любимые, те, что и жить не дают...

Итого: сорок два. Копошись в муравейнике будней,
будь здоров и спокоен, мужайся и крепни в локтях.
Нелегко быть поэтом на этом кренящемся судне.
Но ещё тяжелей, если жить на чужих кораблях.

1989

2.

Все в этой жизни кандидаты –
кто в рай, кто в ад...
Но лучше береги себя ты,
мой старший брат.

Всю тяжесть мира невозможно
поднять на грудь.
Но Вещий вымысел поможет
постигнуть суть.

С ней невозможно отрешенье –
не снизойдёт.
Лишь только верой в озаренье
душа живёт!

Пускай немножечко печальны
звучанья слов.
Но мы с тобой сентиментальны
без дураков.

А время – швыдкое какое –
ку-ка-ре-ку!
И ведь пережили такое
мы на веку...

Ты можешь не потрафить моде.
Тебя понять!..
А правда – главное приходит
за 45?

1992

** В посвящениях использованы цитаты и образы
из поэзии А. Шаргородского (1947 – 2004)*

Песенка о лягушонке

У кого живёт собака, кошка, крокодил...
А зато у нас когда-то лягушонок жил.
Мы его читать учили,
и мороженым кормили,
и такую в ква-ква-стиле
песню сочинили:

«Ква-ква-ква! Ква-ква-ква!..»

Ах, как весело нам было! – «Тра-та-та!», «Бегу!..»
С лягушонком мы играли в прятки на лугу!
Мы в пруду купали чудо,
то туда мы, то оттуда!
И скакали мы, и пели
с ним на берегу:

«Ква-ква-ква! Ква-ква-ква!..»

Незаметно пролетела летняя пора,
вдруг исчез, пропал куда-то друг наш со двора.
Мы три дня его искали,
долгой осенью всё ждали,
зиму всю прогоревали
мы без Ква-ква-ква...

Только лето вновь настало,
в будущем году,
мы – на луг, а там – немало
лягушат в пруду!
«Где же, где же – кто подскажет –
наша бедная пропажа?..»
И вдруг все вместе
лягушата
песню
как заведут –

«Ква-ква-ква! Ква-Ква-ква!..» –
мы узнали нашей песни звонкие слова!
Ах, какой восторг!
Лягушачий хор!
Лягушонок наш – смотрите –
ДИ-
РИ-
ЖЁР!!!

Баллада о Светлячке

А. Г.

Где моря соединяются проливом,
на высоком берегу обетованном
Светлячок живёт – счастливое создание –
у него фонарик есть чудесный...

В море ночью кораблям бывает страшно,
в море ночью кораблям бывает мрачно,
ну а если туча звёзды закрывает,
им совсем бывает худо в темноте.
Но у моря Светлячок живёт не зряшно,
на высокую травинку, как на мачту,
он взбирается, и ветер их качает,
и фонарик держит он на животе.

И тогда все корабли под парусами
бодро шествуют по узкому проливу,
даже может показаться, что танцуют
на волнах и набирают полный ход,
и кивают благодарственно носами,
мол, спасибо, о светящееся диво!
И уходят, и уходят в даль ночную,
за которою светлеет небосвод...

Свет всё ближе. Вот и утро наступает.
Море ласковым становится, игривым,
тормошит легонько дремлющую сушу,
умывает лица сонных берегов.
Светлячок фонарик тотчас выключает
и с травиночки спускается счастливым,
и в себе такую чувствует он душу,
что ему бывает долго не до снов.

А как только их раскроется завеса,
наблюдает он прекрасные виденья:
это – дальние моря и океаны,
это – яркие огни волшебных стран.
Он привет им шлёт фонариком чудесным,
и корабль его, влекомый вдохновеньем,
обгоняет все ветра и ураганы,
лишь покачивает мачту океан...

Но виденья неизбежно исчезают,
прочь уносятся с вечерним первым ветром.
И хоть как ему ни странно просыпаться,
всё же должен просыпаться Светлячок.
Потому что он, конечно, понимает,
для чего на берегу живёт на этом:
чтобы ночью кораблям не потеряться
в море,
нужно, чтоб светил им маячок.

И взбирается он снова на травинку,
и качает её ветер, словно мачту.
И он верит, верит в то, что не напрасно
светится фонарик в темноте...

1993

* * *

Мы недоверчивы, право!
Мечемся влево и вправо.
Мечемся, мечемся, мечемся...
Только надеждами лечимся.

Но стоит ли ждать, как и прежде?
Время сбываться надежде!
Надо ли, надо ли, надо ли,
чтоб от отчаянья падали

руки, мечты, вожделения –
в бездну, во мрак, в отчуждение?..
Так – только вечно терзаться.
Слышишь? Не надо бояться!

* * *

Вы знаете, как пишутся стихи?

...Есть в тайниках истома и блаженства
гарем такой, где рифмы-совершенства
лежат, великодушны и тихи.

Их гении берут как бы шутя,
ласкают – и являются стишатки...
То для других – вериги и порядки...

Я раньше был – капризное дитя,
покуда муть, дремавшая на дне
сознания, не подвиглась на круженье
той женщиной, чьё дольше окруженье
невыносимо чувству, жизни, не...

...Стихи поэты пишут сгоряча!
Их рифмы как испуганные девы!

У колыбели – вечная свеча
и флейты сладострастные напевы!

...Но чувствам в сокровенной глубине
тревожно. Сердце бьётся учащённо.
Что ж, мученик, блаженствуй обречённо!
Крепись душа, ранимая извне.

А девы всё смелее и всё злей.

Жизнь...

Жить – всё безысходней и больней.

Прошла эпоха вольности и оды,
осталась лишь элегия о ней...

...Стихи поэты пишут – отрешась.
Не ведая ни правил, ни законов,
парят они, исчадья вечных стонов,
по-своему прекрасны – отрешась!

Безудержно, как бабочки в ночи,
летят они на дивное свеченье!
Крылатые, по праву обреченья –
сгореть в огне предвечности-свечи.

.....
Мой брат поэт! Что ж я тебе желаю? –
Быть не убитым, проходя по краю,
свободным быть и о свободе петь!
Чрез сотый крах всего – достичь паренья!
Чтоб неизбежным было вдохновенье!
Иных богатств пусть вовсе не иметь.
И всё-таки пройдя сквозь все невзгоды,
признать себя лишь зёрнышком природы.
И голос брата выслушать. Успеть...

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

*Я всегда был за тех, кому горше и хуже,
Я всегда был для тех, кому жить тяжело.
А. Вертинский*

Шёл никому ненужный человек
по тротуару суетливой улицы.
Так робко, недоверчиво сутулился.
Шёл никому ненужный человек.

Надеясь как-то слиться с непохожими,
он делал вид спешащий пред прохожими.
...Среди пивных, шашлычных и аптек
шёл никому ненужный человек.

Вот так он шёл и думал про своё:
работа, одиночество, жильё...
Свой ежедневный совершая бег,
шёл никому ненужный человек.

Проходит время. Вот и день прожит.
Над ним тихонько вечер ворожит.
Прогресс бушует! Торжествует век!
...Шёл никому ненужный человек...

1983

Три песенки-авиазарисовки

1. При перелёте из Магадана в Москву, 1985 год

Под нами – целый материк!
И облака как будто сказочные девы.
И небо синее. И будто Божий лик,
всё время слева солнце, слева солнце, слева.

Кто от восторга словно влип в окно.
А кто трепещет, притворяясь неумело.
Ну а кому-то просто всё равно.
А солнце слева, солнце слева, солнце слева.

Сосед мой сник, блуждает взгляд,
он вспомнил Господа и ждёт святого гнева,
готов уверовать во всех святых подряд.
А солнце слева, солнце слева, солнце слева.

А вот товарищ, он объездил весь Восток,
там у него в коробках рыбная консерва,
оленья шкура, сувенирный рог...
И всё – налево, всё налево, всё налево.

Вон гражданин, чей злейший враг – «Аэрофлот»,
где все обманщики, грабители и стервы;
ещё в Хабаровске он понял это верно,
когда семь дней не выпускали самолёт.

Он спит тревожно, вздулись вены на виске,
бедняге снится чей-то заговор, измена,
что самолёт вошёл в смертельное пике!..
А солнце слева, солнце слева, солнце слева.

Так мы летим который час подряд,
земных мечтаний короли и королевы.
А небо синее, и будто Божий взгляд,
всё время слева солнце, слева солнце, слева...

2. Воспоминание об Абакане, рейс Москва – Благовещенск, август 1985 года

Который час я лечу на «Ту».
Опять задержка. Разминаюсь, раскачиваюсь.
И в абаканском аэропорту
околачиваюсь.

Весь день страдаю, остаюсь без сигарет,
от нервов – чуть держусь, и весь в мигрени я.
Жара несносная, в буфете пива нет,
как всюду опосля Постановления*.

Хожу-брожу, заучен мой маршрут.
Мне надоело неприкаянно слоняться.
В такой глуши, «во глубине сибирских руд»
я не хочу ни на минуту оставаться.

Ах, небо ясное, на нём ни тучки нет!
И солнце жжёт: «В тени нет места, извините!»
А тут диспетчер посылает нам привет:
Наверно, граждане, вы завтра полетите.

Тогда я еду, как турист, в Абакан,
совсем случайный для него ротозей.

Кому везёт на Колизей, Ватикан...
А мне в непрухе да припёр Енисей.

И всё же, дивная оказия –
глядеть с причала на Сибири лик.
Так, значит, вот она, Хакассия,
откуда Запад и далёк, и даже дик.

Мы всё прошли, мы всё развели, увидели,
теперь и вовсе нас ничем не удивишь.
Что за буграми – нам покажет телевидение,
а здесь – мой Рим, Афины и Париж.

Как хорошо, придя домой после работы,
засесть у ящика, стряхнуть заботы.
А можно взять на весь кредит билет на «Ту»
и в абаканском вдруг застрять аэропорту.

До Благовещенска – почти рукой подать.
А там – гостиница и божья благодать.
Скорей, скорей в аэропорт! И мне везёт –
уже объявлена посадка в самолёт.

**Постановление Советского Правительства
об ограничении торговли спиртными напитками*

3. Москва – Норильск, 1993

Пахнет высь заоблачными снами
и волнует душу красотой.
Самолёт парит под небесами,
зачарован этой высотой.

Я сижу, гляжу в иллюминатор,
чувствую, что правды нет в ногах.
Да, я по земле ходил когда-то,
а теперь витаю в облаках.

Вся земля мне видится единой,
многоликой, пёстрой и большой.
Это – от отца с родною Украиной
и от мамы с русской душой.

Где-то Киев блещет куполами,
там Подол и там Хрещатый яр,
там подвал, где слушал я с друзьями
пение негромкое гитар.

Вдруг по фарту выпала дорога,
и лечу на Север я,
пусть беден, но весёл!
Ждёт меня Наумов друг Серёга,
и для него я истинный хохол!

Нет, вы не подумайте: зазнался.
Я шучу, чтоб было веселей.
«Истинный» – не той, хто запродався,
а я ж лечу за кошты москалей.

Шутки-шутки, а вообще, ребята,
я совсем ничей не патриот.
Вот летит по небу моя хата,
в ней, я знаю, главное – пилот.

И признаюсь, до́ смерти обидно –
как нас довели и развели,
нет свободы, совести не видно.
Вроде как иначе не могли...

Ладно, про весёлое: пружало!
Snickers from Ukraine. Европа! Да?
Это потому что оно стало
незалежным салом, господа!

Улыбаюсь: наше сало пружу я
за Полярный круг, чтоб там с дружкой
взять в союз закуски мировую
с русским незалежным коньяком.

Эх, налейте, лётчица, сто граммов –
так, чтоб я замкнулся и потух.

Всё это наваял за туманом...
Нет – накукарекал за туманом
на подносе жареный петух!

Как прогнать Бабая

Мамы нету дома,
папы нету дома.
Я один остался,
на дворе темно...
Я боюсь Бабая.
Свет не зажигаю.
А Бабай подкрался
под моё окно.

Уходи, Бабай...
Уходи, Бабай...

В темноте ужасные
звуки раздаются,
где-то тараканы
гадкие шипят.
Пауканы страшные
по стене крадутся.
А из-под дивана
чудища сопят:

«Приходи, Бабай!
Приходи, Бабай!»

А Бабай всё слышит,
ветром в стёкла дышит,
в форточку стучится:
«Ну-ка, отворяй!»
Все мои игрушки
прижались друг к дружке.
Кто ж не побоится?
Это же Бабай!

Уходи, Бабай...
Уходи, Бабай...

Вдруг под стол, где прячусь я,
с полки – прыг – солдатик!
Тот, что в моём войске –
бравый командир.
«Ваши обстоятельства, –
говорит солдатик, –
нам велят героически
оправдать мундир!»

В бой пошли солдатики –
храбрые солдатики:
«Уходи, Бабай!»

Скачет кавалерия,
едет артиллерия:
«Уходи, Бабай!»

Подняли пилотики
в небо самолётики:
«Уходи, Бабай!»

Да и мне ведь тоже
трусом быть негоже:
«Уходи, Бабай!!!»

И бежали чудища,
тараканы гадкие,
пауканы страшные
с криком: «Ай-яй-яй!»
И быстрее, чем чудища,
тараканы гадкие,
пауканы страшные,
убегал Бабай!

.....
Вот теперь я знаю,
как прогнать Бабая,
пауканов, тараканов,
чудищ всех подряд.
Это могут все на свете,
это могут даже дети,
если только каждый станет
храбрым, как солдат!

1990

Вечерняя страшилка в детской спальне

*Нибиру – мифическая планета,
будто бы управляемая гуманоидами,
имеющими цель –
напасть на нашу планету и захватить её.
В Интернете вновь и вновь появляются
предсказания конца Света,
связанные с Нибиру,
грозящей обрушиться на Землю,
чтобы уничтожить на ней всё живое.*

– Вы опять подрались, дети.

И толкнули Милку.

– Дядя Петя! Дядя Петя!

Расскажи страшилку!

– И про звёздные дуэли!

– И про всё на свете!

– Ладно. Только всем – в постели!

Засыпайте, дети.

Успокойся, Коля. Глаша,

тише! Не играем!..

Я боюсь, вам будет страшно...

– Не-е-е! Мы засыпаем!..

– Как пошла Земля по миру,

подошла к планете

злая, страшная Нибиру...

Тихо! Спите, дети.

«Я с войной к тебе летела –

в лоб тебя отметить!» –

говорит Нибиру смело.

Тихо! Спите, дети.

«Ты, Земля, больна, страдаешь,
копошатся эти...
Ты горишь, лысеешь, таешь...»
Тихо! Спите, дети.

«Вишь – как ладятся людишки
всё крушить да метить.
Нет для Бога передышки!»
Засыпайте, дети.

«Раз ты пущена по миру, –
люди все в ответе.
Их казнить пришла Нибиру».
Засыпайте, дети.

«Разве ж Бог тебя направил?» –
говорит Земля ей.
«Я пришла сыграть без правил
с человечесьей стаей.

Вон она – грызётся, вое!
Деньги, флаги, сети...
Ну а я пришла как воин!»
Спите, спите, дети.

И без разрешенья Бога
навела мортиру
на людей, и молвит строго
страшная Нибиру:

«Ну-ка, хватит баловаться,
драться на планете!
Всем – на месте оставаться!»
.....
Спите, спите, дети...

В детской спальне свет погашен.
Вышел дядя Петя.
А ему вослед:
– Нам страшно...
– Спите... Спите, дети...

2019

Наивный ребёнок

- Мама, посмотри в окошко.
Видишь? – в небе звёздочка светит.
- Спать уже пора, моя крошка,
спи, как все хорошие дети.
- Мама, а соседский мальчишка
в голубей стрелял из рогатки.
- Что-то разболталась ты слишком,
ты не во дворе, а в кровати.
- Мама, мне не спится. Ты знаешь –
кукла Даша вдруг заболела.
- Спи, ну что ты вновь сочиняешь!
Мало дня, ты б ночь с ней сидела.
Спи, уже уснули лошадки.
Спи, уже уснули зайчишки...
- Мама, а ты завтра рогатку
отбери у злого мальчишки.
- Спи! А завтра к дяде Остапу
мы на дачу едем купаться!

– Мама, ты возьми с нами папу,
я без папы буду бояться.

– Да уснёшь ли ты наконец-то?

– Мама, ну возьми с нами папу.

– Больно он нам нужен, отец твой.

Чем он лучше дяди Остапа?

Спи, прошу тебя! (Нет передышки!)

Спят – и твоя кукла, и твой медвежонок,
все твои игрушки и книжки.

Спи! Эх ты, – наивный ребёнок...

1989

Шаргородский

Я много лет в бездомье пребывал,
и Киев мой был мне как двор господский,
штормила жизнь, катила новый вал...
Тогда и появился Шаргородский.

Я песни в клубе пел, он был – поэт,
без куража я грустный был, он – мудрый.
И опыт сорока далёких лет
вбирал я, молодой и пышнокудрый.

Такой же лишний муж, ненужный зять,
а нынче сам уж лысый, умный, грешный,
я столько лет хочу о нём сказать
и не могу никак себя утешить.

Всё жду совет, как прежде, и боюсь,
что где-то я скажу о нём неточно,
и друга лик нахмурится, и грусть
гнетёт меня, без времени, заочно.

О, дай мне, Боже, в каждом новом дне
столь тихого и верного покрова.
Но упаси от немощи на дне
и немоты укора неземного...

Где были мы – пусты теперь дома.
Куда ушли душевность и весёлость?
Молчат стихов исчезнувших тома! –
его судьбы чернобыльские сёла.

Звала Москва. Вернула в Киев прах.
Элегией сошла с Парнаса ода.
И лёг мой друг в глуши на Берковцах,
как сам и предсказал в канун ухода.

Корю себя, что времени и сил,
лишь телефон умолк, я не нашёл – проведать
перед Москвой его. Ну, говорил:
«Не едь, останься, сердце!...»
Он: «Ну... еду».

И всё. Лишь книгу памяти листать,
где смех, любовь, желанья иль нехоть,
как нас надуть пытались лжец и тать,
а он им на страну мешал наехать.

Мне нравилось, что «Алик» говорят
ему Король, Касаткин – други детства.
«Ты говори мне – Саша, слышишь, брат?»
И были мы как братья, без кокетства.

Солдата сын, он был для лести чужд,
кликушам – враг, предавшим – обличенье,
и как заступник русской музыки – дюж
жить честно и писать стихотворенья.

Погаснут шоу, кесарь был – и нет,
слуга пройдёт – запомнятся едва ли.
Но верный друг – спаситель и поэт
благословен всегда, как был в начале.

...На книжных полках – мудрые дары,
где не остыли дружбе эпиграммы.
Его стремянка, кепка с той поры
живут со мной – уж ветхи, да упрямы.

В его советских кедах – века пыль,
стоят в прихожей просто и знакомо.
Он здесь, он рядом, он не просто быть,
и всё туда приходит, где мы дома.

Вновь будут Рождество и Новый год,
и в буднях мы найдём уединенье.
Всё чуждое оставим у ворот,
а близкое возлюбим без сомненья.

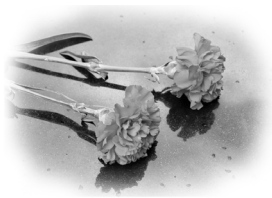
Он видит – я опять оброс семьёй,
почти здоров и годен для полёта.
Друзей – совсем немного за горой,
а близко – ещё меньше отчего-то...

Бывали дни неодолимых бед,
покойного я звал, взгляд прятал от соседа,
и вспоминал, как, есть я или нет,
внезапно он являлся, непоседа.

Смотрю в окно, по улице ль бреду –
всё чудится, что из-за поворота
вот выйdet он навстречу, на ходу
под сумкой пригибаясь, и забота

его седлает, и торопит шаг,
и некогда больное сердце спешить...
Всё вижу, как вразвалочку чужак
спешит – ко всем – помочь, поднять, утешить...

2013

Сказание о балладе «Золотой зуб»

Жил Шаргородский. Снова о нём
хочется говорить.

Умер средь улицы, в городе, днём,
с миром порвавши нить.

Пела Москва, дымила Москва,
с телом сожглись грехи.

В Киеве некто, вступивший в права,
в мусор бросал стихи.

Вбился в контейнер старых дискет,
пёстрых бумажек рой.
Сколько там было, чего здесь нет,
созданного тобой?!

В памяти бродят обрывки фраз,
помню движенья губ,
как ты балладу читал мне раз
про золотой зуб.

Не передать уже смысл весь,
мало запомнил слов.
Хитрость, коварство, зависть и спесь,
хохот весёлых вдов...

Сквозь Ведьмин яр – в Голосеево, к ней,
от Зверинесских гор
скачет на лошади рыцарь Змей,
мчится во весь опор.

Сбруя золотая, и стремяна,
златом сияет рот.
«Будет моею чужая жена!
Вот! – он кричит – А вот!»

Даме прискучил её жених,
баловень и поэт.
И для постели ей мало книг.
«Был бы он Змей. Но... Нет».

Змею она говорила: «Ах!
Что ж, коли он мне люб...
Ты был на ночь. А в его устах
скрыт золотой зуб».

Змею она говорила: «Слезь!
Хватит! Не то он
может узнать, и твоей меди
меня не спасёт звон.

Ты уходи, я тебя не люблю,
мир твой – посад иной.
А он... мадригалы слагал королю,
и зуб у него золотой.

Ты среди горничных был в чести,
нынешний рыцарь Змей.
А слышал ли ты, что его в пути
в палатах встречал Кощей?

И как, величественно звуча,
ода царю пришлась?
Он едет! Весь в злате с царёва плеча!
И сбруя, и коновязь...»

А Змей: «Он уж едет? Сокрыв грехи,
расстанемся мы? Ну, нет!
Да я у него отниму стихи
и буду я сам – поэт!

Прощай ненадолго, но облик мой
прежний забудь навек.
Вскоре увидишь ты – я какой
и что я тебе рек!»

...Нет же, не вспомню... Лишь ритм и стиль.
Писал мой бедный поэт,
как он любовь свою сдал в утиль,
пережив ложь и бред.

Как она крыла его виной,
прыгая по ветвям.
А он не ведал судьбы иной –
падших тащить из ям.

Как клеветою растерзан быв,
он собирался в ствол
и укрощал в себе тот нарыв,
стишья слагая «в стол»...

В точности помню строку и финал:
От Зверинесских гор...
(Кто среди урочищ киевских знал
Зверинец и Змиев бор?)

Нет, рано, – пока мимо Кручи святой
устьями Змей, как тать,
вышел на шлях, где вдали золотой
зуб начинал сверкать...

Слышит невеста: все ближе к ней
звон золотых копыт.
Он на крыльце! И влетает... Змей?!
И пышет, и говорит:

«Враг мой был слаб и беспечен, и пал».
«Неет! Я люблю его!»
И вот тот памятный мне финал:
Змей подступил: «Всего?..»

*Меч свой вонзил я по рукоять
в того, кто тебе люб!*
*Смотри: сверкает во рту у меня
его золотой зуб!»*

.....

Страшно живём... Кровью краплен мир.
Пошlostью краден дух.
Страсть зверинеская рвёт эфир.
Где ты, мой добрый друг,

брат мой, поэт?

Сбереги строку
в мире, где мор и глад!
Как мне ещё заглянуть на веку
в душу твоих баллад?

2024

К сороковинам Тани Драгенко

«Я не верю – я знаю:
есть Бог...»
Она бы смолчала,
да вопрос был строг.
...Говорила Таня,
прямо душу раня.
Плыл по речке мячик.
В руке – платок.

В высях звёзды сливались
в одну.
Лета воды мчала –
поперёк, по дну.
А вдали – отвёрсты
за Вратами вёрсты
лет – не наудачу –
к Нему.

Мячик таял, как точка,
далёк.
У Тани платочек –
белый мотылёк.
И листочку дуба
паутинка люба –
поддержи, родная,
в последний срок.

Дождь поплакал сентябрьский,
как встарь.
И в миру – всё «цацки»,
вздорят шпынь да ярь.
...Улетела Таня,
заповедью раня:
«Я не верю – я знаю...»
Аминь.
Ноябрь...

2020

Импрессия в ключе "Апрель 2024"

Володе Губернскому

Нотам ломали ребра.
Штили – мои костыли.
В поисках песен добрых
странствую вокруг земли.

Сёла мне в спину – марши.
Воют сады химер.
Чувствую: стал я старше
посюсторонних мер.

Дальше хромаю, дальше
меж полюсов седых,
их неизбывной фальши,
споров с битьём под дых.

Ноты не виноваты,
если устроен ор.
Вон они, брат, солдаты,
автор и дирижёр.

Дальше, по гамме. Пудра
сыплется на виски.
До – моё Божье утро;
Ут – ровный свет тоски.

Ре, – ты сама реальность,
нет у тебя погон.
Авторы лжи ментальность
гонят, как самогон.

Ми (miraculum) – чудо.
Чудо ли нас спасёт?
Ежели жив я буду,
Ми не отдам в расчёт.

Будут ещё нам песни,
знаки в системе Фа.
Соль – будет Солнце. Вестница – эта моя строфа.

Ля – то дорогу стелет,
то по рукам пойдёт,
самая, в самом деле,
млечная среди нот.

Си-бемоль – "Вас не слышат,
Вы оттого больны..."
Небо стоит над крышей,
лекарь моей вины.

Боже, спаси, помилуй.
Отнят язык, веси.
С небом обрящит силу
верхняя нота Си!

Песни мои вы, вместе
с миром пойдём на свет.
Прочь же от мнимой чести
модником быть у тщёт!

Рёбра ломали нотам,
Штили – мои костыли.
Кто это следом, что там
вьётся вокруг земли?

Ждёт ли, что грянусь в пыль я,
когтем скребёт клыки.
Но у меня есть крылья
и берега реки!

Думает: "Кандибобер!
Экий не хлоп, не пан!"
Кто бы ты ни был, швондер, –
я оттолкнулся, ан!..

Демоны, фрики, шольцы
вспрыгнули в пыль шагов.
Что это? Колокольцы?
Смех невеселых вдов?

.....

Тили мои тили,
трали мои вали,
штили мои штили –
перековыляли.

И чтоб было чуть смешно –
не грешно.
И чтоб было не грешно –
чуть смешно...

* * *

Что мне дать, как обнять, близкого увидеть?..
Пару строк, свой зарок на краю судеб?
Ты, сыночек, не ходи в те места, где Лыбидь
помутнела от обид и чужих потреб.

Будет звать она тебя ненароком в гости,
станет плакать и стенать. Как не подскочить?
Ты, сыночек, удержиись, рядом на погосте
шлют завет тебе друзья – трошки отпочить.

А когда наступит срок, в струящейся зыби
древнерусскую волшбу вместе различим.
И над жёлобом бетонным, над рекою Лыбидь,
порыдаем обо всём. Или помолчим.

2024

УЗЫ

Дорога.....	2
«Любви повсюду чудились приметы».....	3
«Хорошо бы-хорошо...».....	4
«Не сбылось. Навалилась беда».....	5
Повод и причина.....	6
Узы.....	7
«Мне страшно здесь, и пусто, и темно».....	9
«Ты им песни свои не пой».....	9
Утреннее.....	10
«Я не хотел его обидеть...».....	10
«Дурак надеждами питался».....	10
«Откуда это?».....	10
Чотири літа.....	10
«Де синя річка...».....	12
«Суматоха, будничность, отчаянье...».....	14
«...А ещё бывали дни жестоки...».....	15
«Ты помнишь, какими мы были?».....	16
Из воспоминаний о юности.....	17
Песенка – посвящение студентам.....	18
Бабье лето.....	18
«Слагающий гимны любви...».....	20
Песенка сентиментального бродяги.....	20
«Без прошлого и без потерь...».....	21
Песня о двух фантазиях.....	22
Мне хорошо.....	23
Я – странник.....	24
«Ирония судьбы – невинная причуда...».....	25
Песенка про Сеньку.....	26
Сладкая ода.....	27
Неприличное дело.....	27
Песенка про невезение Ипполита.....	28
Песенка об отчаявшемся человеке.....	30
«Я не ангел, моя дорогая».....	31

«Вы, наверное, очень устали...».....	31
«Ужин при свечах» или/або «Вечеря при свічках».....	32
Два посвящения Александру Шаргородскому	
«Позабыты химеры и былые прозренья».....	35
«Все в этой жизни кандидаты...».....	35
Песенка о лягушонке.....	
37	
Баллада о Светлячке.....	
38	
«Мы недоверчивы, право!».....	
40	
«Вы знаете, как пишутся стихи?».....	
40	

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

«Шёл никому ненужный человек».....	42
Три песенки-авиазарисовки	
1. При перелёте из Магадана в Москву, 1985 год.....	43
2. Воспоминание об Абакане, рейс Москва – Благовещенск, август 1985 года.....	44
3. Москва – Норильск, 1993.....	45
Как прогнать Бабая.....	
47	
Вечерняя страшилка в детской спальне.....	
50	
Наивный ребёнок.....	
52	
Шаргородский.....	
53	
Сказание о балладе «Золотой зуб».....	
56	
К сороковицам Тани Драгенко	
60	
Импрессия в ключе "Апрель 2024"	
62	
«Что мне дать, как обнять, близкого увидеть?..».....	
65	

Олег РУБАНСКИЙ

УЗЫ

Стихи

**Иллюстрации на обложке: Глеб Рубанский
Графика: Глеб Рубанский, Юрий Востров,
Роман Чудновский**

Вёрстка: Роман Чудновский

rubanski.at.ua

Киев 2024